НОРМАН ОЛДМАН

ПЛАН ПОБЕГА

Норман Олдман

План побега

«Автор»
2026

Олдман Н.

План побега / Н. Олдман — «Автор», 2026

Мара Кин помогает людям безопасно уходить из дома. Однажды под дворником своей машины она находит план, составленный по её же форме. В графе «Главный источник опасности» стоит её имя. План касается её четырнадцатилетнего сына. День ухода назначен на пятницу.Илай дома. Он действительно хочет две недели пожить у отца, остаться в той же школе и сам сказать об этом матери. На листе он узнаёт свою просьбу. Остальные строки видит впервые.В плане упомянуты отменённая часть прогона и звонок матери Оуэна о частном разговоре мальчиков. Мара считала тот звонок семейным делом. К пятнице ей нужно понять, кто рассчитывает встретить Илая у школьной двери. А Илаю нужно, чтобы она наконец выслушала его.

© Олдман Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Глава 6 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Норман Олдман
План побега

Глава 1

— Когда я выхожу покурить, он никогда за мной не идёт, — сказала Фрэнсис. — Вот и вся моя свобода. И я ведь даже не курю.

Она вынула из кармана пачку «Кэмел». Внутри вместо сигарет лежали две сложенные двадцатки. Фрэнсис показала их Маре и закрыла пачку. На крышке сохранился ценник, выцветший до розового.

— Зимой я выхожу в тапочках. Если надену ботинки, он спросит, куда собралась. Мне нужны ботинки на улице, и чтобы там их никто не выбросил.

— Давайте сначала решим, где вы хотите быть к вечеру.

— Дома. У себя дома.

Мара подождала. Между ними стоял стакан с водой, которого Фрэнсис так и не коснулась. В комнате едва слышно щёлкал настенный обогреватель. Их попросили включать его только под конец дня, когда уходила Деб из соседнего кабинета. От горячего воздуха Деб начинала кашлять.

— У меня в четверг приём у окулиста, — сказала наконец Фрэнсис. — Я восемь месяцев ждала. Если я поеду к сестре, до четверга не выберусь. Она за Форт-Уэйном. И там куры. Она в пять утра уже во дворе, а к восьми ей хочется, чтобы я восхищалась, сколько она успела.

Этим голосом Фрэнсис прежде не говорила. Мара услышала в нём женщину, которую в пять утра разбудили куры.

— Есть кто-нибудь ближе, с кем вы хотели бы поговорить?

Фрэнсис убрала пачку. В стене опять щёлкнуло.

— Лу, его двоюродная сестра. Она в среду закрывает прачечную. Он уверен, мы до сих пор из-за ёлки не разговариваем.

— Из-за ёлки?

— Вместе купили на распродаже. Оказалось, обе хотели только подставку.

Мара придвинула чистый лист и спросила, будет ли Фрэнсис удобно, если они запишут имена. Та накрыла лист ладонью. Договорились обойтись без бумаги. К тому времени, когда в коридоре дважды хлопнула дверь, у Фрэнсис были два номера, по которым она могла позвонить отсюда, и возможность провести ночь в безопасном месте, если захочет. Сначала она позвонила Лу. Пока шли гудки, Мара отодвинула стул к обогревателю. Там она слышала лишь голос Фрэнсис.

— Я ещё не знаю. Я звоню спросить, можно ли.

Потом Фрэнсис замолчала. Пальцы, державшие трубку, побелели. Она дослушала до конца, сказала «хорошо» и положила трубку обеими руками, словно та была полна воды.

— В её фургоне лежат сапоги. Сказала, могу забрать. У неё нога широкая, а мне сегодня хоть две пары носков влезут.

Фрэнсис решила встретиться с Лу, как только та освободится. До встречи оставалось сорок минут. Можно было подождать в приёмной. Вместо этого она попросила выключить обогреватель и осталась в кабинете.

За перегородкой звякнула чужая кружка. Мара вышла за водой и увидела у стойки Кэла Мерсера. Он положил перед Лидией из бухгалтерии толстый пакет с наклеенным поверх старого адреса новым. Одной рукой он разглаживал пакет, другой, казалось, собирался вот-вот забрать обратно.

— Я про нижнюю строчку, — говорил он. — У меня после неё место есть, а в вашей форме нет.

— Пришли, как есть, Кэл. Посмотрим на строчку, когда дойдём до файла.

Кэл увидел Мару и поднял ладонь. У него вечно белел пластырь на одной и той же костяшке. Бен лет десять назад пытался убедить его купить перчатки, и Кэл купил. Надевал их на похороны, когда становилось холодно.

— Эл сегодня будет? — спросил он.

Так его называл только Кэл. Когда Илая в первый раз пустили за пульт, Кэл очень старался произносить «Илай» во всю длину, как в списке участников. Продержался до первого антракта.

— Сегодня у них обычная репетиция, — сказала Мара.

Господи, обычная. В четверг она сама написала руководительнице школьного театра, что у Илая семейные обстоятельства и до поздней части прогона он оставаться не сможет. Для пяти минут чужого времени, которые ей понадобились, чтобы отправить письмо, пришлось придумать обстоятельства, которых до этого не было. На её ноутбуке всплыло уведомление из школьного чата Илая. Двое старших ребят спорили, кто из них подбросит Илая после репетиции, и один написал, что не может вернуться за машиной, пока отец на кухне: увидит, что он опять взял ключи. На этом можно было выключить экран. Мара нажала на уведомление и дочитала до сообщения Илая «да ладно, придумаю» и остановилась. Обед, который стоял перед ней, так и остался в тарелке.

— Если ему дадут подойти к пульту, скажи, что синий провод я убрал, — сказал Кэл. — На синем сломан фиксатор, будет искать до Рождества.

— Передам.

Он наклонился, поправил край пакета, хотя Лидия уже придавила его блокнотом, и ушёл. Мара вернулась к Фрэнсис. Та сидела там же и теребила бахрому на рукаве, с каждым движением выбирая ту же нитку.

Через сорок минут они стояли у выхода. От ветра опустел деревянный ящик под окном, и мелкие листья липли к двери снаружи. Фрэнсис взяла с подоконника свой стакан, отпила, вернула на место.

— Сапоги у неё девятого размера, — сказала она. — Она из тех, кто об этом предупреждает, когда за тобой уже едет.

— Подождать вместе?

— Отсюда видно поворот.

Мара прошла к себе, занесла в запись согласованный способ дальнейшего контакта и убрала оба стула под стол. Фрэнсис ещё была в вестибюле. Потом к стеклу подкатил серый фургон с облезшей наклейкой парка отдыха. Мара видела, как женщина поправила боковое зеркало, прежде чем открыть Фрэнсис дверь. Стакан так и остался на подоконнике, и Мара вылила воду в кухонную раковину.

На парковке она заметила конверт ещё с крыльца. Белый прямоугольник под дворником со стороны водителя. Мара подумала про объявление школьного сбора, хотя на растрескавшемся асфальте, где на белых полосах оставалось больше листьев, чем краски, стояли ещё три машины без объявлений. Она сняла конверт и села за руль. Клапан загнули внутрь. Имени снаружи не было.

Первая страница была знакома ей по пустотам. Она сама в прошлом году раздвинула поля, чтобы в плане, который «Харбор Лайн» выкладывал для всех, осталось место для руки с плохим почерком. Первую строку она когда-то перенесла наверх, перед списком вещей и телефонов. На раздаточном листе строка предназначалась для человека, который ещё ничего не решил.

Что я хочу, чтобы случилось?

Ниже было впечатано: *Хочу пожить у папы две недели. Хочу остаться в своей школе. Хочу сам сказать ей когда.*

Человек, которого она встретила бы на работе с такой бумагой, мог оставаться дома, возвращаться домой после разговора и продолжать ходить на уроки. Бумага не означала, что он уже ушёл. Мара успела сказать это себе, прежде чем увидела имя.

Илай Кин, четырнадцать лет.

Имя было набрано точно. Он не подписал бы школьную работу без начальной буквы своего второго имени. Ещё в третьем классе нашёл другого Илая Кина в каталоге какой-то баскетбольной лиги, далеко на западе, и с тех пор настаивал на различии. Здесь буквы не было.

В графе, которую на пустом листе занимали три вопроса о том, чего ждать в ответ на свой уход, теперь стояла одна фраза.

Главный источник опасности — Мара Кин, мать.

Она прочла её вновь, глядя на запятую. Чужому человеку пришлось уточнить, кто она. Для Илая хватило бы одного слова.

Дальше шло то, что могли знать люди из школы. Пропущенная часть прогона. Письмо про семейные обстоятельства. Затем то, что она считала семейным делом. В июне она позвонила матери Оуэна узнать, о чём мальчики говорили в её машине. Оуэн тогда сидел у них на крыльце и ждал, пока Илай сходит за мячом. Пусть даже мама Оуэна рассказала ему про звонок, кому он сам мог об этом сказать? На втором листе этот звонок означал, что она *устанавливала, с кем Илай Кин может оставаться наедине.*

Последним шёл день ухода. Пятница, девятое октября. Времени и адреса не было.

Мара нажала кнопку на двери, и все четыре замка щёлкнули сразу. Прежде чем завести двигатель, она открыла сообщения. Последнее от Илая пришло девять минут назад.

Мы купили сыр?

Она напечатала «да». Сыр она забыла купить.

Глава 2

Дома кто-то прижал кухонную дверь пакетом с солью для посыпки ступеней. Ветер дул через щель, и пакет поскрипывал по плитке. Мара толкнула дверь носком. Из-за стола высунулась рука и подняла телефон, как удостоверение.

— Я дома, — сказал Илай. — Там был жук.

Жук был снаружи, на ступеньке, под перевёрнутым стаканом из-под йогурта. От отверстия в крышке стакан выглядел домиком.

— Он полчаса сидел на спине. Я его поставил на ноги, теперь он сидит на ногах. Может, ему вообще всё равно.

Илай опять склонился над столом. Он выложил из школьного рюкзака наушники, два карандаша и тетрадь, заложенную со страницы к странице уцелевшими кусками малярной ленты. На одной полоске его рукой было написано «ДОЖДЬ ПОСЛЕ ДВЕРИ». На другой — «ДОЖДЬ ВСЁ ЕЩЁ ИДЁТ». Из зала оба, наверное, и звучали по-разному.

Она положила купленный на заправке сыр возле плиты. Когда убирала ключи, конверт в сумке задел молнию. За время дороги она дважды придумала, с чего начать. В обоих случаях он даже не успевал сесть. Теперь, когда он был перед ней, она пошла мыть руки.

— Синий провод Кэл убрал. Там защёлка сломана.

— Повыдергал всё, чтобы я сам нашёл, куда что. А один провод всё-таки убрал. Совесть есть.

Мара вытерла руки о полотенце. Он успел заметить сыр.

— Ты только сейчас его купила.

— А что?

— Он ещё в пакете с заправки.

— Тебе-то какая разница, где я его купила?

Илай отодвинул тетрадь и поставил перед ней две миски. Маленькую, с отколотой ручкой, он оставил себе. Они всегда ели томатный суп из этих двух мисок, с сыром или без. Когда-то он бы согласился поменяться, только если дать ему и большую ложку. Сейчас он уже доставал ложки, не глядя. Мара взялась за край стола.

— Илай. Я нашла кое-что под дворником у работы. Там твоё имя.

Он опустил ложки, одну на другую. Они разъехались.

— Какое «кое-что»?

Она достала конверт. Положила на стол перед собой и вынула первый лист. Бумага выгнулась, как только она отпустила край.

— Там про две недели у папы.

Он прочёл, навалившись ладонями на стол, и притянул лист к себе. За окном поехал мусоровоз. Илай поднял голову, пока машина не прошла, затем дочитал.

— То, что наверху, — сказал он. — Это моё.

— Ты печатал?

— В смысле я так сказал. Про папу и школу. И чтобы самому сказать.

Он поднял второй лист раньше, чем она успела предложить прочесть и его. Пришлось отпустить первый.

— Ты мне скажешь, кому?

Илай уставился в бумагу. Мара увидела, как его ноготь поймал кусочек подмокшего края, как легко можно было снять эту крошку и растереть между пальцами. Он убрал руку.

— Зачем они это тебе отдали? — спросил он.

Она была готова спросить то же самое. От его «зачем» ей захотелось придвинуться к нему, показать конверт с пустым клапаном, объяснить, что она сама уже час пытается понять. Сначала нужно было выяснить, кого он имел в виду.

— Кто — они?

Илай отодвинул лист. Он не поднял глаз.

— Я сказал «они», потому что не знаю, кто тебе подсунул. Я не видел вот этого. И не просил тебе относить.

Она посмотрела туда, куда он ткнул пальцем. Пятница.

— Ты хотел уйти в пятницу?

— Я хотел попробовать у папы. Две недели. И чтобы можно было домой вернуться, если там тупо.

— Домой, — повторила она.

— Ну да. Куртки забирать сюда. Суп, если захочешь. Можно я договорю?

Она кивнула. Илай не продолжал. Сдвинул лист к ней ещё на дюйм, и на месте бумаги под его руками осталось два слабых влажных пятна.

— Он знает? — спросила она наконец.

— Я спросил его. Он сказал, надо посмотреть, как со школой. У него диван такой, что пружина выпадает снизу. Там раньше стяжка была. Я могу сам починить, если он купит толстые.

Она знала эту пружину. Когда он был маленький, Бен привязывал выпавшую пружину шнурком от кроссовка и называл это первой помощью. Теперь Илай говорил о ней как о вещи, которую готов починить, чтобы на ней спать.

— Тебе у папы тоже нужно будет договариваться, кто откуда тебя забирает.

— Я знаю. Я сказал «две недели», потому что за субботу с воскресеньем вообще ничего не понятно. Если надо в школу, у него есть два выезда. Я узнавал, какой автобус останавливается там, где сносят шиномонтаж.

— У него в будни смены.

— У тебя тоже.

Он сказал это быстро, как если бы реплика уже приходила ему в голову во время другого разговора и он тогда не успел.

— Я бы тебя забрала с репетиции, — сказала Мара.

— Ты написала мисс Баркли, что я не могу. Она показала мне письмо. Там внизу «с уважением». Ты написала «с уважением», а мне вообще ничего не сказала.

— Я сказала, что у нас семейные обстоятельства.

— Я знаю, что ты сказала.

Она хотела объяснить, что в тот четверг стояла на кухне перед нетронутым обедом, читала сообщения и видела их машину на мокром съезде с шоссе так ясно, словно уже ехала с ними. Вслух это звучало бы как рассказ про аварию, которая случилась. Они вопреки всему сидели сейчас за одним столом.

— Томми не умеет останавливаться, когда ему говорят, — сказал Илай. — Я с ним никуда не собирался. Оуэн сказал, что его мама подъедет, если я скажу, во сколько. Это ниже в чате. Ты могла бы дочитать.

— Я прочла столько, сколько мне хватило.

— Вот именно.

Он подвинул к себе миску и заглянул в неё. Суп всё ещё стоял в холодильнике в кастрюле. Было ясно, что он просто хотел куда-нибудь смотреть. Мара вернула листы в конверт. Сдвинула его к себе, потом вернула на середину стола.

— Там про Оуэна тоже ты рассказал?

— Там в чём-то правы, да?

Это он сказал уже глядя на неё. Не так, как несколько минут назад про сыр.

— Ты позвонила его маме. Он сказал, его мать после этого спросила, зачем он мне рассказывает про них дома. Можешь у неё спросить, если надо.

— Я хотела понять, почему ты пришёл такой.

— Я пришёл злой. Мне можно приходить злым?

В июне он не снял кроссовки у двери. Сидел у себя, оба шнурка волочились по полу. Мара позвонила миссис Рэндалл, а через час постучала к нему и сказала, что знает, в чём дело, и всё будет хорошо. Он спросил, как ей удалось узнать. Она ответила, что мамы иногда разговаривают. До этой минуты она была уверена, что это удачный ответ.

На ступеньке упал стакан. Илай сходил к двери, сунул ноги в её садовые сабо и вышел. Мара видела через стекло, как он заглянул под ступеньку, перевернул стакан, заглянул ещё раз. Вернулся, поставил стакан в мойку и смыл травинку с ободка.

— Ушёл? — спросила она.

— Наверно, под крыльцом. Там сухо.

Он снял с плиты крышку сковородки. Под ней лежали два хлебных ломтя, уже намазанных маслом. Он поднял каждый за уголок, чтобы масло не размазалось, и положил на тарелку. Крышку вернул, будто она всё ещё могла пригодиться.

— Кто ещё видел то, что ты написал? — спросила Мара.

— Я могу не отвечать сейчас?

Она поймала себя на том, что ищет взглядом его телефон. Он лежал справа от тетради, где и раньше. Илай проследил, куда она смотрит, и сунул его в карман.

— Сначала я хочу поговорить с папой, — сказал он. — Один.

Он подхватил тетрадь, карандаши зажал под подбородком. Один карандаш выскользнул, покатился к плите. Илай притопнул по нему босой ногой, слишком сильно. Поднял его и пошёл в коридор.

— Сыр какой толщины? — спросила Мара ему в спину.

Он обернулся.

— Как ты себе режешь.

Наверху один раз хлопнула дверь его комнаты. Не сильно. У них разбухло дерево над верхней петлёй, приходилось чуть дёрнуть, чтобы дверь встала на место.

Телефон в её руке уже показывал карточку Бена. Старая фотография, которую она так и не заменила. Он ел мороженое на парковке, в другой руке держал второй рожок, поднимал его повыше, чтобы Илаю пришлось за ним прыгать. Мара не помнила, как открыла карточку. Она помнила, что на экране, если коснуться зелёной кнопки, появится время звонка.

Телефон она положила рядом с сыром. Конверт всё ещё лежал посреди стола.

Глава 3

Бен ответил, когда Мара уже вытащила из духовки противень. Пришлось поставить его на плиту. Масло стекло к краю, и две половины булки, которые она сложила вместе, разошлись.

— Можешь говорить? — спросила она.

— До десяти могу. Я у мамы. У неё гараж открывается сам по себе. В прошлый раз это очень вовремя случилось, она пять минут под дождём простояла, а теперь решила, что гараж её узнаёт.

Он ждал ответа. Мара различила знакомый гул из гаража, где Бенова мать хранила морозильник, купленный ещё при рождении Илая. Мороженое в нём покрывалось твёрдыми иглами льда, если снять крышку и забыть закрыть.

— Илай хочет к тебе на две недели.

Гул прекратился. Где-то рядом с Беном зашуршала подошва.

— Он уже сказал тебе?

Илай говорил, что Бену надо разобраться со школой. Мара ждала, что Бен начнёт с того, как они успеют к первому уроку. Слово «пятница» у неё уже было на языке. Но в его «уже» слышалось, что они с Илаем ждали этого разговора.

— Когда?

— Спросил в воскресенье. Я сказал, что надо проверить утро. К первому уроку мне придётся проезжать через мост дважды.

— Ты ему сказал, что согласен?

— Я сказал, что хочу, чтобы получилось.

Булки пахли чесноком. Илай обычно ел их стоя, держа ладонь под подбородком. Мара раздвинула обе половины лопаткой, чтобы они остыли.

— Сегодня кто-то оставил мне под дворником его план. Там сказано, что от меня нужно уйти в пятницу.

— Илай написал?

— Часть мог. Верхний лист сделан из нашего рабочего шаблона. Из того, который у нас на сайте для всех.

— А нижний?

Она оглянулась на коридор. Наверху Илай включил музыку. Песня начиналась так тихо, что через стену слышалась одна и та же басовая нота, а потом на этот звук накладывался другой, похожий на скрип стула.

— Там моё имя под словами «главный источник опасности».

Бен втянул воздух так близко к микрофону, что Мара отняла телефон от уха.

— Это Илай тебе сказал? Про опасность.

— Я только что сказала, что это бумага.

— Я про то, сказал ли он, что согласен.

Ещё днём такой вопрос от Бена показался бы ей признаком того, что он наконец начал слушать. Сейчас она прижала лопатку к поверхности плиты и почувствовала, как под ней скрипнула соль.

— Он сказал, что ему нужно пожить у тебя. Я слышала.

— Хорошо. Если позвать его к телефону…

— Нет. Не сегодня.

Слово вылетело быстро. Из комнаты доносилась музыка. Мара положила лопатку рядом с плитой.

— Я спрошу, хочет ли он говорить, — сказала она.

— Мара, там есть что-то про меня? Кроме двух недель.

Внизу второго листа была мелкая строка о том, что в первые сутки отец возьмёт на себя все разговоры. Она несколько раз её прочла и каждый раз видела перед собой не Бена, а выключенный телефон. Когда Илаю было девять, Мара звонила Бену от входа в аквапарк. На улице пахло горячим мусорным баком, сотрудники уже задвигали дверь. Бен не взял трубку. На следующий день выяснилось, что он оставил её в шкафчике вместе с джинсами и они с Илаем до конца катались с горки. Самое горькое было узнать, как хорошо они тогда провели вечер. Она так и не призналась Бену, на чём застряла.

— Написано, ты берёшь на себя разговоры со мной в первые сутки.

— Это я ему никогда не обещал.

— Но ты согласился на две недели.

— Я ему предложил сначала посмотреть, встанет ли у окна стол. Хоть одну вещь могу сделать, пока мы разбираемся с остальным.

С гаражной стороны раздался протяжный удар. Бен крикнул матери, чтобы она подождала. Некоторое время в трубке слышно было, как он ставит на пол что-то металлическое.

— А где ты возьмёшь стол? — спросила Мара, когда он вернулся.

— Он хочет унести свой. Он сам говорит, что влезет в машину.

Стол был из магазина, который закрылся после наводнения. Они собирали его на кухонном полу. Когда Мара засунула в отверстие слишком длинный штифт, Илай, тогда ещё такой маленький, что мог сидеть в коробке от стола, предложил залить туда суп. Дерево разбухнет и вытолкнет штифт. На задней стенке остался след от плоскогубцев.

— Поняла, какой стол, — ответила она.

Они договорились до следующего дня ничего не менять. Бену нужно выяснить, кто подменит его утром хотя бы дважды на неделе. Маре нужно решить, что делать с бумагой. Бен попросил сказать, если на ней найдётся что-то ещё о нём. Когда она нажала отбой, музыка у Илая уже кончилась.

Мара разломила булку и положила тёплую половину на блюдце. Перед его дверью она подняла руку, подождала, пока перестанет качаться масло у края блюдца, и постучала.

— Занято, — сказал он.

— Тут чесночный хлеб.

— Ты его опять пожарила с двух сторон?

— С одной. Вторая сама.

Зашуршала одежда. Дверь открылась ровно настолько, чтобы Илай мог просунуть в неё руку. Он взял блюдце и отступил, оставив щель.

— Папа может поговорить, — сказала Мара. — Если ты хочешь.

— Что ты ему рассказала?

— Что ты хочешь к нему на две недели. И что мне оставили бумагу.

Он прикрыл дверь на ширину пальца, остановился и снова посмотрел на неё.

— Я собирался сказать тебе сам. Про две недели.

— Ты сказал мне сам.

— После того как кто-то положил тебе это под дворник.

Мара сунула руку в карман фартука. Там была бумажная салфетка, вся в катышках после стирки.

— Да, — ответила она.

Илай спустил блюдце ниже, до пояса.

— Я ему завтра позвоню.

Он закрыл дверь. За ней ещё немного стоял, Мара видела по полосе света внизу. Потом один конец полосы стал светлее, а другой потемнел. Она отнесла свою половину булки на кухню и съела, прежде чем убрать противень.

Во вторник утром Лидия прислала приглашение на среду: «Сверка возвратов». На девять в среду Мара уже оставила время для Фрэнсис, если та позвонит. Лидия просила Мару вспомнить одну операцию, проведённую в конце августа, для которой в бухгалтерии имелась копия квитанции. К письму не прилагалось имён, только номер и сумма.

Мара помнила ту сумму. В августе, в душной комнате, где женщина так и не сняла плащ, Кэл отсчитал ей деньги. Последнюю пятёрку достал из кармана рубашки и разгладил на крышке коробки с салфетками. Женщина попросила пересчитать медленнее. Он пересчитал.

Мара написала Лидии, что помнит этот возврат, и спросила, нужно ли подойти сегодня. До девяти оставалось пятнадцать минут. Она открыла школьный календарь и впервые досмотрела расписание прогона до конца.

Глава 4

Лидия ответила, что можно сейчас. Когда Мара пришла, та стояла у окна, приподняв пальцем одну из планок жалюзи.

— На моей стороне перед входом опять лужа. Я в неё сегодня наступила, пока держала дверь.

Под столом стояли два ботинка. Один был темнее другого. Лидия уселась и подтянула ноги под кресло. Мара сделала то же самое, хотя её туфли были сухими.

— Про август, — сказала Лидия. — Ты помнишь, что видела сам возврат?

— Да. Наличными. В тот день я ездила к ним в контору.

— Видела, как передали деньги?

— Кэл отсчитал их при мне. Женщина пересчитала и убрала.

Лидия пододвинула ей экран. В первой колонке стояли номера, во второй даты. Там, где Мара ожидала увидеть имена, было пусто. Лидия водила указателем по экрану, ничего не открывая.

— Вот две ночи, которые женщина оплатила сама. А вот счёт мотеля нам за те же две ночи.

Мара провела пальцем по краю стола вдоль первой строки. Обе даты совпадали. В августе на шоссе ставили новый отбойник, и на выезде к мотелю приходилось пропускать тех, кого встречный поток сгонял в правый ряд. Женщина уже забронировала следующие две ночи своей картой. Мара помнила, как та держала телефон близко к лицу, слушая сотрудника банка, и раз за разом говорила ему, что знает, где была проведена оплата. Тогда Мара попросила Кэла не менять комнату, пока они разбираются, кто за неё заплатит. Смена комнаты означала бы проход через стойку с вещами. Кэл сказал, пусть пока остаётся.

— Мы покрыли эти ночи, потому что он согласился вернуть её деньги, — сказала Мара.

— Точно. И ты видела, что вернул. Теперь ниже.

Ниже шли ещё четыре позиции. В каждой рядом с номером операции повторялся промежуток в два или три дня. У жильца списание, у «Харбор Лайн» счёт за те же даты. Внизу, после тонкой серой черты, Лидия поставила пометку о недостающих подтверждениях. Мара поискала порядок в суммах и не нашла. Ни одной равной первой.

— Кэл говорит, что так же рассчитался со всеми?

— Говорит, что возвращал напрямую. Квитанция у меня одна. И к ней твой номер как контактного лица.

Вчерашний пакет стоял на ребре за монитором. Мара узнала налепленный поверх другого белый адресный ярлык. Лидия вынула из него прозрачную папку. Квитанция была сфотографирована под углом, с полосой тени на сгибе. Мара помнила, как женщина сложила свою копию вчетверо и засунула в нагрудный карман плаща. «У меня тут всё», сказала она тогда, придерживая карман, когда наклонялась за сумкой. Мара вспомнила про коробку с салфетками. Под пальцами Кэла картон поддался и пять долларов пришлось разгладить ещё раз.

— Можешь прислать мне это на почту? Напиши номер, сумму и что видела. Если вспомнишь точный день, добавь.

— Я могу посмотреть в календаре, когда ездила.

— Посмотри. Мне хватит пяти строчек.

Мара уже хотела сказать, что Кэл летом задерживался после закрытия, ждал, когда они найдут транспорт для женщины, у которой разрядилась электрическая коляска, и проводил её к машине через кладовую, где совсем не было ступенек. Никто, кроме него, не сумел бы объяснить это без экскурсии по всему зданию. Мара вспомнила и другое. С тем же мотелем они однажды потеряли день, выясняя, чьё «уже договорились» имел в виду Кэл. Хороший

поступок вспоминался первым, и сейчас он мог бы купить ему пару строк в её письме. Лидия ждала только дату.

— Есть за что волноваться из-за завтра? — спросила Мара.

Лидия поправила квитанцию так, чтобы верхний край лёг вдоль пластика.

— Завтра начну разбирать новый пакет. Если к пятнице у нас не будет подтверждений по этим четырём возвратам, новый платёж Мерсеру подождёт.

— У нас на неделе люди могут попросить туда комнаты.

— Уже кто-то попросил?

— Пока нет.

— Тогда давай узнаем, есть ли запас на случай, если завтра будем дольше разбираться. Это я могу сказать сегодня.

На этом можно было уйти. Мара так и сидела, глядя на мокрые ботинки. Развод на коже отступил на полдюйма от носка. Она помнила тот августовский день с неприличной подробностью, вплоть до занозы в крашеном подоконнике, на который всё время ставила сумку. Следующее, что ей захотелось сделать, было позвонить Кэлу и выяснить, где ещё он передавал наличные. У него нашлось бы место, кто-нибудь в бейсболке у стойки, чья-нибудь рука, державшая дверь. Она бы начала узнавать всё по одному слову.

— Ты сама с ним свяжешься? — спросила она.

— Я уже попросила подтверждения. Если начнёт звонить тебе по этим строкам, переадресуй ко мне.

В коридоре кто-то толкнул ящик для вторсырья. Колёсико зацепило дверной порог. Лидия приподняла голову, как будто могла по одному звуку установить, кто опять понёс ящик короткой дорогой.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да. По августу всё пришлю.

Лидия посмотрела на свои ноги.

— Если оставлю их здесь, то опять уйду в домашних.

Она поставила ботинки на проход, где их невозможно было обойти. Выходя, Мара подняла ногу выше, чем требовалось.

У себя она открыла пустое письмо и написала: «В конце августа я присутствовала при возврате». Прочла и добавила слово «одном». После него первая строка стала длиннее, и номер операции переехал на вторую. Мара сняла трубку, набрала внутренний номер Деб и спросила, кто сегодня обновлял список свободных комнат.

— Я, но до семи утра. Подожди, я тебе найду лист.

На соседней линии зазвонил телефон. Деб положила трубку на стол и ответила кому-то другим голосом, с первого слова медленным. Мара слышала только начало, дальше Деб отошла. Пришлось ждать. Первым в списке всегда стоял Кэл. Когда он мог дать комнату, он мог дать её сегодня. Мара несколько раз ездила к другому подрядчику, у которого вход был с улицы и до круглосуточной аптеки можно было дойти пешком. У того была одна неприятная особенность. Чтобы получить ключ вечером, надо было заранее сказать, в котором часу приедешь.

Деб вернулась.

— У озера одно место. Кровать есть, кресло у окна тоже есть. Ты для кого-то спрашиваешь?

— На случай, если понадобится. Кто у них отвечает вечером?

— Вчера была Нора, сегодня не знаю. Если ключ опять застрянет в ящике, у нас один человек знает, как его достать, и этот человек ужасно собой гордится.

— Это ты?

— Я, конечно. Кто же ещё?

Мара записала имя Норы рядом с телефоном для дежурных. Взяла телефон к себе на стол и спросила, можно ли позвонить туда сейчас, без брони и без имён, только уточнить, в какое время доступны ключи. Деб сказала, что можно, но их управляющая приходит ближе к обеду. Мара оставила эту строчку открытой и вернулась к письму.

Календарь сохранил августовский выезд. Число совпало с квитанцией. Из двадцати шести минут в календаре у Мары не осталось и пяти непрерывных. Она не помнила, во что был одет Кэл, хотя прекрасно видела, как он сунул руку в нагрудный карман. Могла описать, как женщина убрала деньги, и не помнила, кто открыл дверь, чтобы впустить её. Записать номер, сумму и дату оказалось проще, чем ждать самого подходящего слова перед «видела». Мара поставила курсор после последней строки и дописала: «Остальных операций при мне не было». Тут же выделила фразу. Она видела в бухгалтерии четыре строки и понятия не имела, где была в те дни. В новой строке осталось «По другим возвратам личного подтверждения дать не могу». Отправила.

На столе у неё лежал конверт, который она утром взяла из дома. Свернувшись пополам в боковом кармане сумки, он теперь приподнимался по краям. Мара открыла верхний ящик, где хранились закладки и свой телефонный кабель, и убрала его под пачку пустых форм. Потом сразу вынула. Если она здесь уходит на совещание или спускается в подвал, в кабинет иногда заходят за этими формами. Они для этого и лежат в верхнем ящике. Она вернула конверт в сумку и застегнула карман. Когда рука нащупала через ткань загнутый край, Мара вынула её, не поправив бумагу.

На экране всё ещё оставалась открыта школьная страница. По вторникам прогон шёл до пяти двадцати. Месяц назад она бы написала руководительнице из машины, что будет у входа в пять пятнадцать. Если приехать за пять минут, Илай успеет проверить, где лежат провода, и выйти, когда самому удобно. Сейчас Мара могла написать ему напрямую и всё равно получить тот же результат, если просто сообщить, где будет ждать.

Она открыла сообщения, набрала: «До которого часа ты сегодня в школе?» Вчерашнее «да» про сыр висело чуть выше, короткое и совершенно уверенное. Мара стёрла вопрос. Он мог быть где-то ещё после школы, и она всё равно хотела, чтобы он ей сказал. Они ещё не договорились, как он будет это делать, если вопрос задаёт она. С той стороны экрана было обычное школьное утро. Звонок на следующий урок. Шкафчик, у которого заедает дверца, если слишком близко к краю повесить толстовку. Мара заметила, что придумала себе даже дверцу. В этой школе шкафчики на его этаже давно сняли.

Лидия прислала короткое «получила». Мара закрыла письмо. Утренний свет дошёл до стола, и теперь на нём была видна тёмная дуга от чашки. Она вытерла её бумажной салфеткой, выбросила салфетку, подумала и снова села. Послала Илаю: «Если нужна будет машина после школы, напиши. Я могу».

Ответа до обеда не было. В половине двенадцатого перезвонили насчёт запасной комнаты. Управляющая сказала, что ключ можно забрать до семи. После семи дежурный отвозит бельё, и вывеска «открыто» может светиться ещё целый час, хотя ждать там бесполезно.

— Могу записать комнату на вас до вечера, — предложила управляющая. — А то есть ещё запрос.

— Записать и оплатить, если комната понадобится?

Управляющая засмеялась.

— Чтобы я придержала комнату, надо заплатить сейчас.

Мара узнала цену и спросила Деб, можно ли заплатить из дежурного резерва. Та сказала, что решит после обеда.

Мара передала ей цену и время, до которого можно забрать ключ, и впервые за утро вышла на крыльцо без сумки. Лужа перед входом всё ещё занимала добрую половину тротуара. К двери соседнего магазина женщина подкатила тележку с длинной коробкой. Она обошла

лужу по самому краю. Переднее колесо стало боком у самого порога. Пока она выправляла тележку, дверь пошла закрываться. Мара спустилась с крыльца и перехватила её за ручку. Дверь так и осталась наполовину открытой; дальше что-то тёрло по полу.

— Мара, чуть на себя, — сказал Уолт Прайс из магазина. Он сунул отвёртку в карман и взялся за передний край тележки. — Теперь подождите. Я колесо подниму, а вы тяните, как тянули.

Женщина потянула. Колесо выскочило на плитку. Коробка съехала вбок, и Уолт поймал её, пока женщина заново перехватывала ручку тележки. Она сказала, что дальше сама, и он убрал руки. Мара подождала, пока тележка отъедет, и отпустила дверь. Та поскребла по плитке, но закрылась.

— С утра она через раз, — сказал Уолт. — Сам как ни открою, всё как назло гладко.

Он вышел и толкнул её плечом. Дверь прошла середину, не коснувшись пола. Уолт попробовал ещё раз, на этот раз потянул за самый край ручки. У порога он наклонился и стёр мокрый полукруг от колеса рукавом.

— Когда я ставил её, здесь ещё не было плитки, — сказал он. — А сейчас не я её каждый день открываю.

Мара придержала дверь, пока он звал кого-нибудь из продавцов: показать, как её открывают с тележкой. Потом вернулась на своё крыльцо. Там, где на мокром бетоне кончался след ботинка, ни за что нельзя было догадаться, кто здесь прошёл.

Глава 5

У школы Мара проехала мимо привычного поворота. За ночь у выезда поставили оранжевые конусы, и теперь надо было объехать футбольное поле, где в низине ещё стояла вода. Она приехала на четыре минуты раньше, но застряла за автобусом. Пока ждала, увидела, как из-под трибун выбежал мальчик в рубашке с коротким рукавом, на ходу пытаясь надеть рюкзак. Рукава были знакомые. Лицо оказалось чужое.

Мисс Баркли ответила на её письмо в обед. *Загляните после уроков. Илая тоже попрошу прийти, если он сможет.* В своём письме Мара написала, что может забирать Илая сама и прежнее ограничение можно снять. Она ещё добавила, что в прошлый четверг допустила недоразумение, и несколько раз переставила это слово. В конце концов оно осталось в начале, где с ним легче было согласиться, не дочитывая.

У стойки ей приклеили на грудь гостевую наклейку. Она уже шла к лестнице, когда секретарь окликнула её и показала в другую сторону. Вход в зал теперь был через столовую. Там поменяли противопожарную дверь, и старая стрелка, которую дети нарисовали на стене, указывала прямо в новый косяк.

На сцене мисс Баркли стояла на коленях, прижав ладонью край полосатого коврика. Девочка в длинном пальто пересекла сцену, остановилась и сделала движение, похожее на попытку закурить.

— Опять забыла, куда кладу ключ, — сказала она.

— В левый карман. Правый зашит. В школе человека, который зашил правый карман, сейчас нет, я его тоже искала.

Мисс Баркли отпустила коврик и увидела Мару.

— Минутку. Мы потеряли подъезд.

Девочка снова пошла от кулисы. Со сцены донёсся звук дождя. Он продержался три шага и оборвался. Мара вслед за мисс Баркли посмотрела вверх, на тёмное окно звуковой кабины. За стеклом виднелись чьи-то руки. Илай сидел двумя рядами ниже, положив на колени тетрадь. Карандаш он держал поперёк страницы. Мара спустилась к нему.

— Я думала, ты там, — сказала она.

— Там Оуэн.

Илай подвинулся, хотя весь ряд был свободен. Сверху пришёл другой дождь, дробный и пустой. Он посмотрел в тетрадь и перечеркнул одну из пометок.

— Начало у него хорошо получается. Дальше он ждёт, пока она возьмётся за ручку, а она каждый раз трогает дверь в другом месте. Он думает, она ещё не пришла.

Мара не сразу поняла, что двери на сцене нет. Там стояла рама с петлями, которую держал снизу брус. Девочка в пальто каждый раз протягивала к пустоте руку на разной высоте.

— Ты можешь ему сказать?

— Я уже сказал. Надо, чтобы Баркли дала ему ещё раз пройти с самого начала.

Мисс Баркли спустилась в зал и села перед ними боком, перевесив руку через спинку кресла. На пальцах осталась белая крошка от полосы, которой был приклеен край коврика.

— В четверг, когда вы написали, я поставила его на дневные репетиции, — сказала она Маре. — А Оуэна на оба вечерних прогона, в четверг и пятницу. У него по четвергам была секция. Он уже договорился, чтобы его мать туда не везла.

— Я могу приезжать и в четверг, и в пятницу.

Мисс Баркли стала счищать белое с большого пальца. Крошка размялась в комок.

— Илай, тебе это подходит?

Он посмотрел на Мару. Она ждала, что он порадуется двум вечерам. Ему приходилось просить о них целую неделю.

— Я ещё маму Оуэна не спросил, — сказал он.

— Зачем тебе мама Оуэна? — спросила Мара.

— Чтобы было понятно, как ехать. В пятницу, если у тебя снова будет что-нибудь.

Мисс Баркли отлепила комок от пальца и прижала к краю своей папки. Мара могла бы прямо сейчас показать календарь, где у неё после пяти не стояло ни одной встречи. В прошлый четверг, когда она писала из кухни, там тоже было пусто.

— Прежнее письмо написала я, — сказала она. — Я с Илаем тогда не поговорила. Можно было сначала спросить его.

Мисс Баркли кивнула.

— Оуэн всё равно будет за пультом. Мы ему это обещали. Илай, если тебе нужно отдельно послушать зал, могу оставить после пятничного прогона десять минут. Мне всё равно закрывать сцену.

— Мы можем пройти два места сейчас? — спросил Илай. — Чтобы она дошла до окна после двери. Я могу подсказать ему снизу, а он сам включит.

Мисс Баркли встала и подняла руку к звуковой кабине. За стеклом отозвалась такая же рука. Илай поднял тетрадь с колен и ушёл к сцене. Проходя мимо, он едва слышно попросил Мару дождаться его. Ей показалось, что это самое простое, о чём он мог попросить.

Через несколько минут на верхней ступеньке появилась женщина с двумя папками под мышкой. Она не стала спускаться и дождалась, пока Мара поднимет глаза.

— Миссис Кин? Мне сказали, вы здесь. Джоанн Рейес, школьный консультант.

Мара видела её на августовской встрече для родителей. Рейес тогда показывала, где искать расписание, и вынула из коробки два одинаковых экземпляра для матери, которая сказала, что один повесит у себя, другой пошлёт отцу. Теперь у Рейес на манжете синела чернильная полоска от запястья до косточки.

— Илай оставил у меня в кабинете зарядку. Сказал, что она ваша. Я только что ему вернула.

— А зачем он приходил?

Рейес переложила папки в другую руку.

— Я хотела успеть спросить, как вас лучше поймать на короткий разговор, если мы с Илаем решим, что он нужен. Здесь неудобно. На звонки после трёх вы отвечаете?

Мара встала и вышла к ней на ступеньку. В проходе стало слышнее, как девочка на сцене дважды топнула подошвой. Каждый раз примерно в одном месте.

— Он сказал про дом?

— Давайте спросим его, чем он сейчас готов поделиться. Можем поговорить вместе. Если возникнет вопрос, который требует от меня действий, я объясню вам, что могу.

— Кто-нибудь ещё говорил с вами об этом?

Ей хотелось уточнить, что значит «об этом». Она уже нащупала в сумке край сложенного конверта. Она могла начать с пятницы. Тогда Рейес почти наверняка захотела бы знать, почему Мара так боится дня, который у всех остальных уже стоял в расписании.

— О чём именно? — сказала Рейес.

Мара посмотрела на сцену. Илай протянул руку в кулису, дождался, пока девочка в пальто повернётся, и показал ей, где примерно окажется окно. Она передвинулась на полшага и обхватила себя руками.

— У нас с его отцом сейчас есть что обсудить, — сказала Мара. — Если Илай захочет, я могу прийти раньше уроков. После трёх тоже берите мой мобильный.

Рейес сунула руку в карман, нашла сложенную вчетверо школьную программу и записала время на обороте. Потом спросила, нужна ли Маре её карточка. Мара взяла карточку. Когда спустилась обратно, на сцене уже открывали воображаемую дверь. Дождь ударил чуть раньше, чем рука девочки дошла до ручки, и Илай тихо засмеялся. Оуэн, кажется, засмеялся тоже: звук

усилился, потом кто-то резко убрал громкость. Мисс Баркли велела попробовать ещё раз. Со второго раза дождь шёл, пока девочка не дошла до окна. Мара поняла, что в прошлый раз его обрывали именно там, где он начинал звучать как улица.

Пока Илай собирался, из кабины вышел Оуэн с мотком провода на локте. Последний виток тянулся по ступенькам. Мара наклонилась, чтобы поднять его, и Оуэн придержал моток обеими руками.

— За штекер лучше не надо, миссис Кин. Там пружинка.

Она пропустила провод между пальцами и передала ему петлю. Он аккуратно уложил её поверх остальных. В июне Оуэн перестал заходить после школы. Когда Илай брал два яблока, Мара думала, что одно достанется ему, но несколько раз видела, как Илай вынимал второе из рюкзака вечером и бросал обратно в корзину. Сейчас она могла спросить Оуэна, придёт ли он когда-нибудь ещё. Вопрос был готов почти так же давно, как её объяснение, почему тогда понадобилось позвонить его матери.

— У тебя всё получилось, — сказала она.

— Окно получилось. На двери надо ещё раз.

Он говорил с ней, а смотрел на Илая. Илай, застёгивая рюкзак, поднял карандаш, словно собирался добавить что-то к их разговору. Потом просто сунул его за ухо.

Оуэн поставил моток на край сцены. Девочка в пальто вернулась за сумкой и дотянулась до неё через раму. Илай показал Оуэну рукав в проёме.

— Из кабины только дерево, — сказал Оуэн.

Девочка сунула перчатку в сумку.

— Мне ключ доставать. Я вам отдельно ничего показывать не буду.

— И не надо, — сказал Илай.

Мара не успела объяснить, что он предлагал только пробу. Девочка поставила сумку, и Оуэн поднялся наверх. Она прошла как обычно, переступив через край коврика.

— Плечо вижу, руку нет, — сказал Оуэн из кабины.

Илай прижал тетрадь к спинке кресла, нарисовал раму и подписал: «сверху плечо», «снизу рукав». Он протянул тетрадь раскрытой. Оуэн спустился на ступеньку и заглянул в неё.

— Оставь пустое, где кабина. Мне надо от стула посмотреть.

Илай закрыл тетрадь и спросил, куда помочь донести провод.

Провод они отнесли к столу у запертой двери. Там девочка в жёлтых носках сидела на полу с ноутбуком на коленях, а рядом на стуле лежало раскрытое пальто. Мара узнала девочку: та только что стояла у рамы, ещё в перчатке. Теперь один носок собрался под пяткой, и она пыталась поправить его, не выпуская ноутбук.

— Оуэн. Вот это твой дождь?

Она нажала на пробел. Первые две секунды была только чёрная картинка, потом из динамиков тихо зашуршало. На экране кто-то поднимал раму с пола. Прежде чем рама встала вертикально, всё кончилось.

— Это для пятницы, — сказала девочка. — Хотели завтра пустить перед объявлениями, чтобы хоть кто-то пришёл и сел сзади. Люди всегда садятся спереди.

Внизу картинки Мара успела прочесть «звук — Оуэн Рэндалл». Подпись исчезла вместе с рамой. Оуэн перевёл взгляд на Илая. У того провод ещё лежал на локте, хотя он мог уже оставить его на столе.

— Я ей дал то, что было готово, — сказал Оуэн. — Мы с Баркли утром собирали для неё кусок. Я думал, там вообще ничего писать не будут.

— Я спросила, кто у пульта, — сказала девочка. — Мне сказали, ты.

Девочка поставила ноутбук на край стола. Илай снял с локтя провод.

— Этот дождь я сделал. Оуэн его ставит.

Девочка посмотрела на остановленный кадр. Имя Оуэна было видно и сейчас, прямо на пустом месте над ковриком.

— Могу вообще убрать подпись, — сказала она.

Мара уже хотела сказать, что у Илая есть фамилия, которую можно напечатать в одну строчку. Девочка всё ещё смотрела на него, и Мара увидела, как он выставил ладони перед собой. На правой вдоль пальцев шла пыльная полоска от провода.

— Мне так тоже не подходит, — сказал Илай. — Тогда дождь просто откуда-то взялся.

Оуэн подобрал свисавший со стола конец провода. Положил на моток и придержал ладонью, пока тот не перестал расползаться.

— Напиши, что он сделал дождь. Я звук собирал и буду включать. Если будут вопросы, про дождь я всё равно не отвечу.

— У меня экран в столовой обрезает с боков, — сказала девочка. — Если строка длиннее, фамилия уйдёт.

Она перебрала несколько кадров, остановилась на пустой сцене и постучала пальцем по чёрному месту над ковриком. Мара узнала полосатый коврик по загнутому углу. Девочка напечатала там его имя, нажала на стрелку и подвинула его чуть левее. Теперь в первой строке было «дождь — Илай Кин». Во второй она набрала «звук — Оуэн Рэндалл». Оуэн наклонился и попросил у неё клавиатуру.

На миг Мара потеряла из вида обе строки за его плечом. Когда он отошёл, нижняя гласила «звуковой монтаж — Оуэн Рэндалл». Девочка прочла обе вслух, потом спросила, можно ли оставить именно этот кусок. Илай опять посмотрел на раму. Она простояла в кадре одну секунду, и ничего больше не случилось.

— Этот можно, — сказал он.

Девочка нажала «сохранить». Ноутбук загудел, как будто звук дождя откуда-то продолжился, хотя график внизу уже стоял. Оуэн снял со стола моток. Девочка позвала его обратно и спросила, куда в зале посадить ребят, если те согласятся прийти.

— Одних с края, других по центру, — сказал он. — Надо, чтобы было слышно, как она до окна идёт. Илай, ты покажешь?

Илай оглянулся на Мару. Ей было видно, что он хочет ответить «да». Она показала в сторону двери, где могла подождать. Илай кивнул, пошёл с девочкой вверх по проходу и сел в том ряду, откуда сам слушал дождь. Она остановилась на ступеньку ниже. Он сказал ей что-то ещё, и она села через два кресла от него, чтобы проверить сама.

Уже у выхода из школы Илай проверил рюкзак. Достал зарядку с перетёртым кабелем. На корпусе был след синего фломастера, по которому Мара узнала свою, с кухни.

— Телефон сел к третьему уроку, — сказал он. — Я думал, ты будешь писать.

— Я спросила, нужна ли тебе машина после школы. И написала мисс Баркли.

Он намотал кабель на два пальца. Вид у него был такой, будто он всё ещё ждёт остального.

— И что теперь? — спросила Мара. — Ты ещё хочешь в пятницу на прогон?

— Оуэн сказал, что на тех десяти минутах оставит дождь мне. Если его мама сможет забрать обоих, я ей сам скажу, во сколько. Можно я ей сначала сам напишу?

— Можно.

Они дошли до машины по краю стоянки. Вода стояла между двумя рядами машин. Илай перепрыгнул через белую полосу, хотя мог её обойти. Мара шагнула следом и зачерпнула воду носком правой туфли. Илай услышал, как она отряхнула ногу, и придержал перед ней дверь.

— У тебя сзади там пакет, — сказал он. — Можно на него ногу поставить.

Она села за руль и подвинула пакет к себе. Илай устроился рядом, убрал тетрадь под сиденье и подключил телефон к проводу в машине. Экран остался чёрным.

— Дома подзарядится, — сказал он. — И тогда я наберу папу.

Водители у выезда пропускали по одной машине с каждой стороны, почти без пауз. Мара дождалась своего черёда и повернула к дому.

Глава 6

К тому времени, когда Мара сняла пальто, Илай уже подключил телефон у дивана. Провод лёг поперёк ковра.

— У тебя есть папин рабочий номер?

— Есть. Он же ещё на смене.

— Он сказал, звонить после пяти. На обычный не дозвониться. У него там глушит.

Она посмотрела на часы. Без двадцати шесть. Значит, Бен с Илаем сегодня уже списывались. Или вчера д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.